

1. Заводная Птица во вторник

•
Шесть пальцев и четыре груди

Когда зазвонил телефон, я варил на кухне спагетти, насыщая увертюру из «Сороки-воровки» Россини, которую передавали по радио. Идеальная музыка для спагетти.

Я подумал, не послать ли звонок к черту: спагетти почти сварились, и Клаудио Аббадо подводил Лондонский симфонический оркестр к музыкальному апогею. Впрочем, пришлось сдаться: кто-нибудь из приятелей мог предлагать работу. Я убавил огонь на плите, зашел в гостиную и снял трубку.

– Удели мне десять минут, – сказала трубка женским голосом.

На голоса у меня память неплохая, но этот был незнаком.

– Извините? Кого вам нужно? – вежливо осведомился я.

– Тебя, конечно. Дай мне десять минут, и мы сможем понять друг друга. – Голос звучал низко, мягко – и в то же время тускло.

– Понять друг друга?

– Я имею в виду чувства.

Я заглянул на кухню. Спагетти кипели вовсю – из кастрюли валил пар. Аббадо продолжал командовать «Сорокой-воровкой».

– Извините, но я как раз готовлю спагетти. Не могли бы вы перезвонить позже?

– Спагетти?! – изумленно проговорила женщина. – Ты в пол-одиннадцатого утра варишь спагетти?

– Ну, тебя это не касается. – Я слегка обозлился и перешел на «ты». – Когда хочу – тогда и завтракаю.

– Пожалуй, верно. Хорошо, перезвоню, – сказала она. Прозвучало невыразительно и сухо. Удивительно, как легкая смена настроения влияет на оттенки человеческого голоса.

– Минуточку, – сказал я, не дав ей положить трубку. – Если ты что-нибудь продаешь, то сюда звонить бесполезно. Я сижу без работы, и мне не до покупок.

– Не беспокойся. Я знаю.

– Знаешь? Что ты знаешь?

– Что ты без работы. Мне это известно. Беги скорее, доваривай свои драгоценные спагетти.

– Послушай! Ты вообще… – Связь оборвалась на полуслове – как-то слишком резко.

Я обалдело смотрел на зажатую в руке трубку, пока не вспомнил про спагетти. Вернувшись на кухню, выключил газ и вывалил содержимое кастрюли в дуршлаг. Из-за этого звонка спагетти немного разварились, но это не смертельно. Я стал есть – и думать.

Понять друг друга? – повторял я, поглощая спагетти. Понять чувства друг друга за десять минут? О чем она? Может, просто кто-то решил пошутить? Или какой-нибудь новый трюк торговых агентов? В любом случае это не ко мне.

Вернувшись в гостиную, я устроился на диване с библиотечной книжкой, время от времени поглядывая на телефон. Что мы должны были понять друг о друге за десять минут? Что вообще два человека могут узнать друг о друге за десять минут? Подумать только: женщина, похоже, была чертовски уверена в этих десяти минутах – ведь это первым слетело у нее с языка. Будто девять минут – слишком мало, а одиннадцать – уже пересчур. Какая точность! Похоже на спагетти.

Читать расхотелось, и я решил погладить рубашки. Я всегда этим занимаюсь, когда в голове каша. Старая привычка. Операцию эту я строго разбиваю на двенадцать этапов – начинаю с внутренней стороны воротничка (№ 1) и заканчиваю манжетой на левом рукаве (№ 12). Порядок всегда один и тот же, и за гладкой я веду отсчет операций. Иначе толку не будет.

Выгладив три штуки, я проверил, не осталось ли складок, и развесил рубашки. Едва я выключил утюг и убрал его в шкаф вместе с гладильной доской, в голове прояснилось.

Только я зашел на кухню выпить воды, как опять зазвонил телефон. Чуть помедлив, я все-таки решил поднять трубку. Если это та же самая женщина, скажу, что глажу, и на этом конец.

Но это была Кумико. Часы показывали полдвенадцатого.

– Как дела? – спросила она.

– Прекрасно.

– Чем занимаешься?

– Вот гладить закончил.

– Что-нибудь не так? – В ее голосе слышалось чуть заметное напряжение: она знала, в каком состоянии я обычно принимаюсь гладить.

– Да нет. Просто выгладил несколько рубашек. – Я уселся на стул и переложил трубку в другую руку. – Чего звонишь?

– Ты стихи умеешь писать?

– Стихи? – удивился я и подумал: стихи? Какие еще стихи?

– У меня знакомая в одном журнале... Это журнал для девушек. Им нужен человек – отбирать и править стихи, которые присылают в редакцию читательницы. Еще он должен каждый месяц писать короткое стихотворение на титул. За такую ерунду неплохо платят. И занят, конечно, не весь день. Могут подбрасывать еще что-нибудь на редактуру, если...

– Ерунда? – перебил ее я. – Погоди-ка. Мне нужно что-нибудь юридическое. С чего ты взяла, что я умею править стихи?

– Я думала, ты что-то писал, когда учился в школе.

– Писал, конечно. В стенгазету – какой класс выиграл в футбол или как физик свалился с лестницы и попал в больницу. В общем, всякую фигню. Но не стихи. Я не умею писать стихи.

– Но я ведь не о настоящих стихах говорю. Какие-нибудь бредни для школьниц. Никто не требует, чтоб они вошли в литературу. Ты их сможешь сочинять с закрытыми глазами. Понятно?

– Послушай! Я просто не умею писать стихи – ни с открытыми глазами, ни с закрытыми. Никогда этим не занимался и не собираюсь, – отрезал я.

– Ладно, – вздохнула жена. – Но ведь по юридической части работу найти трудно.

– Знаю. Потому я и раскинул щупальца во все стороны. Скоро кто-нибудь должен ответить. Если не получится, снова буду соображать.

– Ну, как знаешь. Кстати, какой сегодня день?

Я задумался.

– Вторник?

– Тогда, может, сходишь в банк – заплатишь за газ и телефон?

– Схожу. Все равно идти надо. Собирался купить что-нибудь к ужину.

– Что хочешь готовить?

– Еще не знаю. В магазине что-нибудь придумаю.

– Ты подумай хорошенько, – сказала она серьезно. – Нечего так уж торопиться с работой.

Таких слов я никак не ожидал.

– Это почему? – Что сегодня за день такой? Все женщины мира взялись удивлять меня по телефону? – Страховка по безработице рано или поздно кончится. Не могу же я всю жизнь сидеть без дела.

– Правильно, но мне же повысили зарплату плюс разные подработки, сбережения... Вполне проживем, если не будем транжирить. Тебе надоело сидеть дома и заниматься хозяйством? Тебе не нравится?

– Не знаю, – честно ответил я. Я на самом деле не знал.

– Тогда сядь и как следует подумай, – сказала жена. – Кстати, кот вернулся?

Кот. Я совсем забыл про кота.

– Нет. Пока.

– Может, поищешь? Его уже неделю как нет.

Я уклончиво промычал и снова переложил трубку в другую руку.

– Почти наверняка шляется где-нибудь у пустого дома в конце дорожки. Там, где во дворе птица стоит. Я его там несколько раз видела.

– На дорожке? Когда это ты туда ходила? Раньше ты не говорила...

– Ой-ой! Надо бежать. Много работы. Не забудь про кота.

Раздались короткие гудки. Я снова посмотрел на трубку и положил ее на рычаг.

Интересно, зачем Кумико туда понесло? Наш дом от дорожки отгораживала стена из бетонных блоков. Лазить через нее не было никакого смысла.

Я сходил на кухню за водой, вышел на веранду – посмотреть, осталась ли в кошачьей миске еда. Кучка сардин лежала нетронутой с прошлого вечера. Кот не приходил. Я стоял на веранде и глядел на наш маленький сад в лучах раннего лета. Садик не из тех, что успокаивают душу. Солнце задерживалось там совсем ненадолго, поэтому земля всегда была черной и влажной. Из растений в углу водились лишь два-три кустика блеклых гортензий, а я не очень люблю эти цветы. По соседству торчало несколько деревьев, и оттуда раздавался механический крик какой-то птицы, напоминавший скрежет заводимой пружины. Бог знает, что это была за птица и как она выглядела, но Кумико прозвала ее Заводной Птицей. Каждый день Заводная Птица прилетала сюда и заводила пружину нашего тихого мирка.

Нужно было идти искать кота. Я всегда любил этих животных – и нашего кота тоже. Но коты живут своей, кошачьей жизнью и притом весьма нелупы. Если кот пропал, значит, решил куда-то наведаться. Устанет, есть захочет и вернется домой. И все же надо пойти поискать его, чтобы Кумико была довольна. Все равно заняться больше нечем.

* * *

В начале апреля я ушел из юридической фирмы, где проработал довольно долго. Без особых причин – просто взял и ушел. Нельзя сказать, что работа мне не нравилась. Так, ничего особенного, но платили хорошо, и коллектив нормальный.

По правде сказать, в конторе я исполнял роль профессионального мальчика на побегушках. Получалось, по-моему, здорово. Надо сказать, у меня настоящий талант для выполнения практических обязанностей. Я схватываю все на лету, действую энергично, никогда не жалуюсь. Кроме того, я – реалист. Вот почему, когда я объявил, что хочу уйти, старший компаньон (это было адвокатское бюро типа «Отец и Сын», и он им управлял) даже предложил мне небольшую прибавку к жалованью.

Но я все-таки уволился – и не потому, что у меня были какие-то особые надежды или планы. Меньше всего мне хотелось, к примеру, снова запереться дома и готовиться к экзамену в коллегию адвокатов. Но оставаться в конторе и продолжать заниматься тем, чем занимался, я тоже не хотел. Если увольняться, то сейчас, решил я. Останься я на месте, это было бы на всю жизнь. В конце концов, мне уже тридцать.

За ужином я сказал Кумико, что собираюсь уйти с работы.

– Ясно, – только и ответила она и на какое-то время замолчала, хотя ясно совсем ничего не было.

Я тоже помалкивал, пока Кумико не добавила:

– Если ты решил уволиться, значит, так и надо. Это твоя жизнь, и можешь поступать так, как тебе хочется. – Сказав это, она стала выбирать палочками кости из рыбы и складывать их на край тарелки.

Жена прилично зарабатывала в журнале о здоровом питании, где была редактором. Кроме того, друзья из других журналов время от времени подбрасывали ей заказы по оформлению – тоже совсем не лишний доход. (В колледже она занималась дизайном и мечтала стать свободным художником-иллюстратором.) Вдобавок, уйди я из фирмы, у меня тоже какое-то время оставались бы деньги из страховки по безработице. То есть, даже если бы я сидел дома на хозяйстве, нам все равно хватило бы на еду, химчистку и другие траты, и наша жизнь мало бы изменилась.